

Владимир Александрович Гутуров

Концепции модернизации в посткоммунистическом дискурсе

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

модернизация, посткоммунизм, транзитология, либеральная демократия, экономическая трансформация, свободный рынок, интернационализация, капитализм

В 1985 г. Адам Пшеворский, предупреждая о неизбежности краха «реального социализма», писал в заключении своей работы «Капитализм и социальная демократия»: «Имеется явное основание полагать, что капитализм продолжит демонстрировать возможность улучшать материальное положение и что его будут защищать с помощью силы даже там и тогда, когда он этого делать не станет, в то время как условия для социализма будут и дальше загнивать. Вот почему мечты об утопии не могут быть заменой борьбы за то, чтобы сделать капитализм более эффективным и более гуманным»¹.

Ровно десять лет спустя в другой своей книге «Устойчивая демократия» он буквально по свежим следам «бархатных революций» попытался сформулировать ряд теоретических доводов, обосновывавших причины существенного поворота в политике модернизации в различных регионах мира во второй половине XX в., поворота, который в конечном итоге привел к распаду СССР и краху социалистических режимов в Центральной и Восточной Европе. «Последнее десятилетие, – отмечал он, – засвидетельствовало беспрецедентное, имеющее мировой масштаб движение в направлении политической демократии, происходившее одновременно с глубокой и также широкомасштабной экономической стагнацией. В последние пятнадцать лет многие страны Южной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки прово-

¹ A. Przeworski, *Capitalism and Social Democracy*, Cambridge; Paris 1985, p. 248.

дили конкурентные выборы вообще в первый раз или же, по крайней мере, впервые за десятилетия. И как только этот проект был инициирован, этот список распространился на Восточную Европу и несколько новых стран, которые возникли после распада Советского Союза и Югославии. Никогда прежде такое большое количество стран не пользовалось или, по крайней мере, не экспериментировало с демократическими институтами. В то же самое время модели экономического развития, которые были успешными в течение нескольких десятилетий, по всей вероятности, потерпели крах во многих странах. Экономические кризисы, затронувшие в 1980-х гг. Аргентину, Бразилию и Мексику, равно как и Болгарию, Венгрию и Польшу, были беспрецедентными в истории этих наций. В результате мы, вероятно, являемся свидетелями одновременно почти фаталистического признания экономического принуждения и отчаянного поиска новых моделей и новых стратегий генерирования устойчивого роста. Стандартные предписания, исходящие из Вашингтона и международных финансовых институтов, социально накладны и сомнительны экономически, и все же ситуация представляется столь сильно напряженной в результате тяжести кризиса и международного давления, что она, по всей видимости, не оставляет никаких альтернатив»².

Пшеворский при этом исходил из того, что по своим исходным параметрам экономическая модель, возникающая в странах, вошедших после второй мировой войны в зону влияния СССР, и основанная на государственной собственности на средства производства, централизованном управлении экономикой и предельно автаркической стратегии развития, была не менее успешной по сравнению с латиноамериканской экономической моделью, для которой было характерно сочетание частной собственности, активной роли государства и «отчетливой дозы протекционизма». «Почему же, – спрашивал он, – восточные европейцы в массовом порядке отвергают свою экономическую систему, а латиноамериканцы не отвергают? Если сравнивать относительные экономические характеристики Польши и Аргентины за последние десять лет, никто не смог бы предсказать на основе какой-либо экономической статистики, что одна система рухнет, а другая нет. И все же, если бразильцы были склонны рассматривать свои лишения как результат несправедливости, в Польше респонденты в опросах приписывали свое жалкое состояние иррациональности коммунистической системы. Единственной очевидной причиной была явная демонстрация влияния Западной Европы: сравнение, которое становилось все более унижительным по мере того, как проходило время. «Почему Восточная Германия не может быть такой же, как

² A. Przeworski, *Sustainable Democracy*, Cambridge 1995, p. VII.

Западная Германия?» Вот в чем был вопрос, на который в конечном итоге давался один ответ – “экономическая система”. В то время как народы, живущие при коммунизме, могли наблюдать успешные капиталистические экономики, как только разразился кризис, народы, живущие при капитализме, не имели какой-либо парадигмы успеха на примере командных экономик. В то время, как причины коллапса роста на Юге и Востоке не очевидны, ответ на него, как представляется, идентифицировать гораздо легче. Он может быть наилучшим образом охарактеризован как “модернизация через интернационализацию”. Различные политические силы на капиталистическом Юге и пост-коммунистическом Востоке не видели никакой альтернативы, кроме как отправиться в “Северо-Западный Перелет”: в путь, который привел бы их общества в Первый Мир, для одних – на Север, для других – на Запад. Это стратегия усвоения политической, экономической и культурной организации, уже существующей повсеместно: демократии, рынков и индивидуалистической, ориентированной на потребление культуры, которая доминирует в передовом капиталистическом мире. В этой стратегии модернизация становится синонимом интернационализации: интеграции в мировую экономику, соединенной с имитацией экономических, политических и культурных образцов, превалирующих в развитых капиталистических странах»³.

Но не прошло и десяти лет с тех пор, как А. Пшеворский сформулировал свои вполне уравновешенные и корректные выводы о характере экономических и политических процессов, происходивших в странах Центральной и Восточной Европы, и в научной литературе, и в политической публицистике стали задавать тон совсем другие мысли и прогнозы. Например, канадский политолог Петр Дуткевич следующим образом обрисовывал ситуацию, сложившуюся в посткоммунистических странах, уже переживших «бархатные революции» и приступивших к осуществлению «модернизации через интернационализацию», т.е. нового глобализационного проекта: «Одно из наиболее интересных наблюдений состоит в том, что посткоммунизм подпитывает глобализацию, которая, в свою очередь, является структурой, которая направляет и контролирует посткоммунизм. В этом плане, как мне представляется, то, что действительно в целом недооценивалось в недавних дебатах, так это воздействие самого посткоммунизма на процесс глобализации (читай: реакция периферии на структурные проблемы своего центра). Посткоммунизм, с *необузданной силой* оттеняющий свою сущностную структуру (т.е. направление, на котором происходит глобализация мировой экономики), а также способы, с помощью которых воссозданная структура (т.е. глобализирую-

³ А. Przeworski, *Sustainable Democracy...*, p. 3.

щаяся мировая экономика) формирует траекторию посткоммунизма, должны стать объектами дискуссии. Следовательно, в то время как глобализация или то, что некоторые более скептически настроенные наблюдатели называют интернационализацией, несомненно, не представляет собой ничего нового, путь, по которому она развивается со времен краха коммунизма, поставил новые и важные вопросы относительно ее содержания, значения, темпа и размаха. Моя точка зрения состоит в том, что глобализация и посткоммунизм являются взаимными отражениями, совместно участвующими в определении того, что они отражают. Я доказываю, что глобализация и посткоммунизм могут рассматриваться и анализироваться как форма диалектического мимесиса (мимикрии или имитации) по отношению к друг другу. Особый характер подобной миметической рефлексии состоит в том, что она имеет способность показывать или представлять в истинном свете то, что где-нибудь в другом месте затушевано или неопределенно. Представляется, что это обстоятельство имеет особое значение в плане того, что посткоммунизм хочет сказать нам относительно обсуждаемой природы глобализации. Это означает, что проблематичная практика и опыт посткоммунизма, такие как широкомасштабные экономические и социальные расстройтва, беспощадная монетаризация политики, криминализация общества вместо “гражданского общества” и правового государства, целенаправленная деполитизация общества и т.д. являются не столько затруднительными “абберациями” или “отклонениями” от “правильного” пути глобализации (или “ошибочным исполнением”, допущенным восточноевропейскими политиками, или же, как говорят некоторые, “долговременным историческим вырождением”), но, скорее, грубыми проявлениями возникающих глобальных тенденций. В этом смысле, “реально существующая глобализация” в Восточной Европе может быть отражением процессов и структур, являющихся грядущими и для более индустриализированных стран»⁴.

В определенном плане «Восточная Европа служит в качестве “широкомасштабной лаборатории” для определения среднесрочных эффектов глобализации (среди прочих “результатов тестирования” мы, пережив десять лет трансформации, гораздо лучше информированы относительно того – насколько далеко можно притеснять рабочий класс, лишая его преимуществ государства всеобщего благосостояния; до каких пределов может дойти пауперизация прежде чем могут прорваться широкомасштабные социальные волнения; как эффективно манипулировать “свободными средствами массовой информации”; каковы политические и экономические издержки

⁴ П. Дуткевич, *Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей*, “ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза” 2006, № 4, с. 43–44.

драматического подрыва социальных связей; каковы различные последствия глобализации, опосредованной различными культурами). Это всего лишь несколько фундаментальных вопросов, на которые хотели бы ответить менеджеры капиталистического проекта. Восточная Европа (в сопровождении Латинской Америки и Африки) теперь способна выступить в качестве коллективного свидетеля по этим делам, потому что посткоммунизм находится впереди Запада по своему опыту глобализации (в том смысле, что, если продукт прошел проверку в лаборатории, необходимо некоторое время для того, чтобы его разместили на полках и он стал доступным для всеобщего потребления). Я полагаю, что Ирак является первым “произведенным продуктом” такого нового подхода⁵.

Между представленными выше двумя точками зрения располагается бескрайнее море аналитических суждений и прогнозов, свидетельствующих о крайне драматическом и далеко не однозначном характере происходящих в посткоммунистическом мире процессов. В чем же заключается причина столь контрастных оценок? Характеризуют ли они лишь различные аспекты и стороны одного и того же процесса? В таком случае исследователь может ограничиться сведением этих оценок воедино для того, чтобы воспринимать феномен посткоммунизма во всей его полноте и сложности. Или проблема заключается в неадекватности научных методологий, с помощью которых этот феномен исследовался до настоящего времени? Или же, наконец, ученые не учитывают каких-либо внешних и внутренних факторов, влияющих на посткоммунистический мир таким образом, что он выглядит столь трудно познаваемым и не поддающимся однозначным оценкам?

Современный уровень научного анализа позволяет сделать вывод о том, что все обозначенные выше вопросы являются вполне правомерными, но представленные на них ответы далеко не всегда выглядят убедительными и зачастую имеют характер эвристических гипотез. Во всяком случае, адекватность обозначенных А. Пшеворским путей решения кризисных проблем, вставших перед народами и политическими элитами в странах Центральной и Восточной Европы и посткоммунистической России, неоднократно подтверждается многими исследователями. Большинство разработанных ими научных гипотез и методологический инструментарий, как правило, не вписываются в транзитологические схемы, с помощью которых западные специалисты когда-то изучали процессы демократических трансформаций в Южной Европе, Латинской Америке и других регионах мира во второй половине XX в. «Большинство представителей социальных наук в Германии, – пишет, например, немецкий политолог П. Штыков, – сегодня сходятся на

⁵ Там же, с. 44–45.

том, что “транзитология” не состоялась как субдисциплина меж- и мультидисциплинарной науки об обществе»⁶.

Позицию своего коллеги разделяет и профессор Гумбольдтского университета К. Оффе. «...Транзитологический подход, – отмечает он, – плодотворный сам по себе, оказывается непригодным и вводящим в заблуждение, если использовать при анализе прежний аналитический инструментарий... Ввиду дополнительных измерений революционный переворот в Восточной Европе можно анализировать только такими понятийными средствами, которые со времен Первой мировой войны не употреблялись на Западе и Юге Европы»⁷.

Ш. Эйзенштадт также относит события в Центральной и Восточной Европе к тем «большим революциям», которые бросают вызов давно ставшим традиционными категориям макросоциологического анализа⁸.

Причина такого резкого поворота в направлении поиска новых методов научного анализа ученые нередко объясняют «сменой центров модернизации» (Е. Тиракьян)⁹, причем не только в географическом, но и в социально-политическом, идеологическом и культурном смыслах. Проблема состояла, прежде всего, в том, что традиционные теоретические модели модернизации разрабатывались с использованием теоретического инструментария, ориентированного на «идеальный тип» зрелых рыночных хозяйств. «Неожиданный болезненный ход восточноевропейской трансформации поставил “приверженцев старого подхода” (*old line apologists*), как их назвал Джеффри Александер, перед целым рядом аномалий. Вместо адаптационного роста (*adaptive upgrading*) наблюдался экономический крах, вместо расширяющегося гражданского участия и универсальных ценностей – этнически и религиозно определяемые границы, вместо целостного достижения системных целей (*goal attainment*) появились хрупкие коалиции реформ, которые противостоят

⁶ П. Штыков, *Исследования трансформационных процессов в Восточной Германии и Восточной Европе: достижения, проблемы и перспективы немецких социальных наук (1992–2002 годы)*, [в:] П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003, с. 29; ср., однако: Ф.Б. Рюб, *Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы*, [в:] Там же, с. 435–473.

⁷ К. Оффе, *Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе*, [в:] П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе*, Санкт-Петербург 2003, с. 8–9.

⁸ S. Eisenstadt, *Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency*, “International Social Science Journal” 1992, № 133, p. 385–401.

⁹ E. Tiryakian, *The Changing Centers of Modernity*, “Comparative Social Dynamics”, Boulder (CO) 1986, p. 131–147.

неуправляемым обществам, особенно на территории бывшего Советского Союза»¹⁰. В этих условиях классическая теория модернизации, оказавшись вынужденной существенно перестраивать свою методологию, представлялась, тем не менее, в глазах большинства западных ученых гораздо более пригодной для изучения посткоммунистических процессов по сравнению с «транзитологией» и тем более с еще более традиционными школами, разрабатывавшими в различных направлениях теорию тоталитаризма.

Прежде всего, было необходимо определить общие направления научной «перестройки». Так, например, Кр. Хэрпфер, выделив три основных традиционных подхода в исследованиях демократизации – «модернизационный», «транзитологический» и «структурный», рассматривает в качестве наиболее перспективного новый «трансформационный подход», в рамках которого анализируются три основных процесса: «демократизация в направлении демократии», «маркетизация в направлении рыночной экономики», «создание гражданского общества»¹¹.

Анализ работ других сторонников данного подхода свидетельствует о том, что обозначенные выше определения характера исследуемых в его рамках процессов только внешне выглядят банальными и тавтологичными. Еще в 1993 г. немецкий политолог Й. Хессе следующим образом обозначал наиболее отличительные черты трансформаций, происходивших в посткоммунистическом мире:

- переход от систем однопартийного правления с главенствующей ролью коммунистической партии во всех сферах общества к плюралистическим, многопартийным парламентским системам с демократически избираемыми и ответственными правительствами;
- отход от принципа «демократического централизма» в пользу далеко идущей децентрации и децентрализации политической власти, осуществляемой под эгидой правового государства;
- отказ от принципа единства между экономикой и политикой, который влечет за собой появление отличных друг от друга сфер политической и экономической жизни;
- всеобъемлющие экономические реформы, главная цель которых заключается в усилении частного предпринимательства, денационализации

¹⁰ К. Мюллер, *От посткоммунизма к постмодерну? К объяснению социальных изменений в Восточной Европе*, [в:] П Штыков, С Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003, с. 131–132.

¹¹ Chr. W. Haerpfer, *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and Eastern European Countries, 1991–1998*, London–New York 2002, p. 1.

(или, скорее, приватизации) обширной доли продуктивного капитала, ранее контролируемого государством, и существенная отмена контроля, а также либерализация национальной экономики¹².

В представленной Й. Хессе схеме бросается в глаза не только хорошо знакомая из трудов теоретиков ленинизма идея «примата политики над экономикой», но и другая черта, обозначенная немецким политологом весьма примечательным сочетанием английских и латинских слов – «*transformation as rejection of the old administrative system, change via negationis*» (трансформация как отказ от старой административной системы, изменение *путем отрицания*)¹³. Именно в отрицании многие адепты новой версии теории модернизации усматривали сущностный момент, отражающий глобальный контекст изменений происходивших в посткоммунистических странах.

Хорошо известным является то историческое обстоятельство, что исходный момент посткоммунистических трансформаций в современном мире совпал с началом реализации на глобальном уровне неолиберального проекта. В Китае после смерти Мао Цзэдуна китайское руководство во главе с Дэн Сяопином в декабре 1978 г. объявило о начале реализации программы экономических реформ под лозунгом *xiaokang* – создании общества, гарантирующего благополучие всех граждан. Усилия Дэн Сяопина были сконцентрированы на «четырёх направлениях модернизации» – сельском хозяйстве, промышленности, образовании и науке, обороне. Итогом этих реформ стало превращение коммунистического Китая в мирового лидера, обладающего второй после США экономической мощью.

Характеризуя итоги китайских реформ, Д. Харви в своей книге «Краткая история неолиберализма», в частности, отмечает, что китайская экономика не развивалась бы столь стремительно и не достигла бы столь впечатляющих результатов, «если бы параллельно не происходили значительные и, казалось бы, не имеющие отношения к Китаю процессы в развитом капиталистическом мире, связанные с механизмом функционирования мирового рынка. Начиная с 1980-х неолиберальная политика набирала силу в международной торговле, и в результате весь мир оказался открытым трансформирующему влиянию рыночных и финансовых процессов. В результате этого процесса появилась возможность вхождения Китая в мировой рынок, что невозможно было бы в рамках Бреттон-Вудской системы. Победоносное появление Китая

¹² J.J. Hesse, *Introduction*, [in:] J.J. Hesse (ed.), *Administrative Transformation in Central and Eastern Europe. Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies*, Oxford–Cambridge 1993, p. V.

¹³ J.J. Hesse, *From Transformation to Modernization: Administrative Change in Central and Eastern Europe*, [in:] Ibid. p. 220.

в качестве глобальной экономической силы после 1980-го было отчасти непредвиденным последствием поворота к неолиберализму в развитых капиталистических странах»¹⁴.

При этом Китай, двигавшийся «собственным особым путем к “социализму с китайским лицом”» и «отказавшись от “шоковой терапии” немедленной приватизации, которую навязали России и Центральной Европе МВФ, Всемирный банк и “Вашингтонский консенсус”, смог избежать экономической катастрофы»¹⁵. В целом итоги реализации неолиберального проекта оказались крайне удручающими: резкое падение мировых темпов экономического роста, колоссальные экономические и человеческие потери, понесенные, за некоторыми исключениями, всеми странами, ранее входившими в состав СССР и другими государствами Восточной Европы, стагнация в странах Латинской Америки и отсутствие перспектив к лучшему на африканском континенте¹⁶.

Но имелся еще один итог, который стал общим для всех без исключения стран, участвующих в этом дорогостоящем эксперименте: неолиберализация «как процесс, а не как теория, оказался крайне успешным с точки зрения правящей верхушки. Она либо привела к восстановлению классово-властной структуры (как в США и до некоторой степени в Великобритании...), либо создала условия для формирования класса капиталистов (как в Китае, Индии, России и других странах). Средства информации отражали интересы правящего класса, а потому оказалось возможным распространение мифа о том, что государства оказывались экономически несостоятельными, так как не были конкурентоспособными (что дополнительно стимулировало спрос на неолиберальные реформы)»¹⁷.

«Таким образом, – резюмирует свой анализ Д. Харви, – мы можем говорить о неолиберализации либо как об *утопическом проекте*, призванном воплотить теоретическую модель реорганизации международного капитализма, либо как о *политическом проекте*, связанном с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элитой. Я не берусь утверждать, что на практике доминировала вторая из двух целей. Неолиберализация оказалась не очень эффективной для возрождения глобального процесса накопления капитала, но оказалась невероятно успешной в отношении восстановления, а в некоторых случаях и предоставле-

¹⁴ Д. Харви, *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*, Москва 2007, с. 163–164.

¹⁵ Там же, с. 164.

¹⁶ Там же, с. 206–208.

¹⁷ Там же, с. 209.

ния власти новой (как это произошло в России и Китае) экономической элиты»¹⁸.

Анализ Харви опирается и на другой общеизвестный факт: нелиберальные экономические реформы «не только рекомендовались, но и навязывались Востоку посредством финансовой помощи Запада»¹⁹. Первые большие программы такой помощи были сформированы в тесной кооперации между восточноевропейскими правительствами и западными экспертами. По инициативе польского правительства Дэвидом Липтоном и Джефффри Саксом была разработана новая версия концепции «догоняющей модернизации», т.е. перехода социалистических стран к рыночной экономике через «шоковую терапию». «Советское руководство с ней согласилось, а МВФ этому способствовал – “чтобы провести радикальные реформы в той же степени, как они были проведены в послевоенной Германии”»²⁰. При этом, несомненно, искусственно игнорировалось следующее важнейшее обстоятельство: модель, на которой базировалась экономики восточноевропейских стран, была не рыночной, но плановой. Равным образом игнорировался и тот факт, что в результате ранее проведенной *социалистической модернизации* как СССР, так и государства Центральной и Восточной Европы достигли достаточно высокого уровня экономического и технического прогресса, позволявшего относить их к разряду экономически модернизированных стран. Реализация «гарвардского проекта» могла привести не к их реформированию, но к экономической разрухе со всеми вытекающими социальными и политическими последствиями.

В соответствии с новыми перспективами теория модернизации подвергалась в ряде своих аспектов весьма существенной корректировке в духе неоконсервативных идей и проектов. «С начала 1980-х годов, – отмечает К. Мюллер, – “модернизация” проходила под знаком международной политики дерегулирования, которая сильно сократила возможности политического управления... “Модернизация” с 1980-х годов понимается главным образом как исключительно рыночный процесс, который получает свои импульсы из технологических инноваций и либерализации рынков. Комплекс распределительной справедливости и институционального регулирования конфликта интересов были оставлены без должного внимания. И это несмотря на то, что в нем принимаются решения об основах налогообложения, порядке

¹⁸ Р. Гётц, *Теории экономической трансформации*, [в:] П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003, с. 93.

¹⁹ К. Мюллер, *От посткоммунизма к постмодерну?...*, с. 135.

²⁰ Там же.

собственности, производстве коллективных благ и месте общественного сектора»²¹.

В этом плане трудно согласиться с достаточно широко распространенным среди западных политологов мнением, согласно которому антикоммунистическая революция по своему идейному содержанию была «атеоретической» (П. Штомпка), что «этот переворот – революция без исторического прецедента и без революционной теории. Ее отличительная черта – отсутствие заранее разработанных положений и нормативных аргументов по вопросам, кто, при каких условиях, с какими целями выполняет какие действия, с какими дилеммами придется столкнуться и как устроить постреволюционный порядок» (К. Оффе)²².

Действительно, западные международные институты – МВФ, Мировой банк, Европейский банк реконструкции и развития и их эксперты не утруждали себя разработкой специальных теорий трансформации для бывших социалистических стран и использовали вместо этого «арсенал уже имеющейся в их распоряжении теории в виде программы “Структурная адаптация для развивающихся стран”. Они рекомендовали ее правительствам трансформирующихся стран и оказывали помощь в зависимости от интенсивности применения данных рецептов»²³. Тем не менее, сторонники концепции «атеоретической революции» не учитывают уже обозначенный выше важный момент, характеризующий как интеллектуальную, так и практически-политическую стороны посткоммунистических переворотов, который свое время был хорошо подмечен Д. Харви. «... Различные группы элит в странах Восточной Европы, – отмечает также по этому поводу Р. Гётц, – оказались особо восприимчивыми к либерализму по учебнику. В то время как прежние представители номенклатуры могли за счет этого демонстрировать свое превращение в демократов и приверженцев рыночной экономики, настоящим противникам бывшего режима максимально далеко зашедшая трансформация представлялась преградой на пути к восстановлению старого порядка»²⁴.

Иными словами, для того, чтобы реализовать практическую задачу создания новой экономической и политической элиты, представители нового молодого поколения коммунистической номенклатуры, занятые преимущественно приватизацией и переделом государственной собственности, не нуждались в особо сложных теоретических изысканиях и спорах подобно тем, которые вели социалисты и коммунисты начала XX века. Для этого было достаточно поручить университетским интеллектуалам, перешедшим

²¹ Там же, с. 138.

²² Там же, с. 132; К. Оффе, *Дилемма одновременности...*, с. 7.

²³ Р. Гётц, *Теории экономической трансформации...*, с. 91.

²⁴ Там же, с. 93.

на их сторону и достаточно освоившимся в новой «референтной группе», зачитывать те или иные неолиберальные тексты применительно к тем или другим идеологическим кампаниям и политическим «мероприятиям».

Другим аспектом новой модели стал еще один важный тезис, выкристаллизовавшийся из опыта постсоциалистических трансформаций: *демократизация является предпосылкой экономической либерализации*. Он основывался, в первую очередь, на необходимости решения двуединой задачи – создание в чрезвычайно короткие исторические сроки нового класса предпринимателей в процессе реставрации частной собственности и соответствующего типа социально-экономических отношений наряду с одновременным формированием механизмов эффективного демократического контроля над частнособственнической стихией «дикого капитализма», характерной для раннего исторического этапа «первоначального накопления». «Рыночная экономика, возникающая в Восточной Европе, – отмечает К. Оффе, – по своему происхождению является “политическим капитализмом” – в отличие от ее западного образца. Она будет капитализмом, насаждаемым реформаторской элитой. При этом движущий мотив – не дополитическое (локковское) естественное право *собственника* на свою собственность и на свободное распоряжению ею. Напротив, движущим мотивом в развитии капитализма становится заинтересованность всего *общества* в эффективном экономическом механизме... Возникает парадокс: в обществах советского типа с их политически насажденной деполитизацией демократия становится необходимой предпосылкой экономической либерализации»²⁵.

Постсоциалистическая трансформация стала реализовываться в тот исторический период, когда западный мир вступил в новый период развития, наложившего отпечаток на его экономику, политику, культуру, моральные и социальные основы жизни. Этот новый поворот в направлении формирования принципиально нового порядка, некоторые ученые называют «постдемократией». Под постдемократией, – отмечает, например, британский политолог К. Крауч, – понимается «система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, остаются на своем месте... Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны породить массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсуль-

²⁵ К. Оффе, *Дилемма одновременности...*, с. 12–13.

тантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движение служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появится других групп, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии. Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно также постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии»²⁶.

В рамках такой перспективы большинство посткоммунистических стран оказываются в очень сложном положении: обладая только внешними атрибутами демократических режимов, они явно демонстрируют тенденцию к формированию собственной версии «постдемократии», лишённую каких-либо преимуществ традиционных западных демократий. Рецидивы «дикого рынка», криминализации экономических структур и общества, разгул бюрократизма, сопровождающие движение в сторону рыночной экономики постоянно подпитываются ретроградными процессами на Западе, свидетельствуя о том, что современный мир вступает в новую фазу развития.

Трансформация обществ реального социализма была процессом возврата или реинтеграции в социальные, политические и экономические структуры, для преодоления которых они были когда-то созданы. Легитимирующую основу этого процесса большинство постсоциалистических стран нашли в различных формах политического и экономического либерализма, вернувшись тем самым и на идеологическом уровне к учению, возникшему в ранний период эволюции капитализма. Эта тенденция усиливалась отмеченным выше изменением цикла развития западных обществ, в частности – стремлением неоконсерваторов «свернуть» структуры «общества благосостояния» под аналогичными либеральными лозунгами классического капитализма.

В этом плане неудивительно, что в условиях тотального господства в посткоммунистических странах неолиберальной догматики, обосновывавшей необходимость искусственного создания власти новой экономической и политической элиты и, до известной степени, являвшейся идеологическим

²⁶ Там же, с. 132; К. Оффе, *Дилемма одновременности...*, с. 7.

коррелятом апатии и приватизма, этот процесс сопровождался, как и в тоталитарный период их истории, множеством легенд и мифов. Как справедливо отмечал Х. Видра в предисловии к сборнику статей с характерным названием «Демократия и миф в России и Восточной Европе»: «В то время как Россия до 1917 г. создала “бутафорский конституционализм”, Восточная Европа видела неудавшиеся демократические эксперименты. Коммунистическая власть в России и Восточной Европе после 1945 г. полагалась на конституционные мифы, культ личности и догматический марксизм-ленинизм, а равным образом и на эсхатологический миф о переходе к коммунизму. Соответствующая литература о демократизации в посткоммунистической Восточной Европе не только скрывала этот парадокс, но и использовала его в целях навязывания программы истины. Демократия была сведена к институционализации основанной на интересах партийной политики, руководимой интересами и знаниями просвещенных элит, которые смастерят, разовьют и консолидируют демократию. После 1989/1991 гг. парадигма “перехода к демократии” приобрела квази-мифический характер, равным образом, как и идея ее проектного учреждения в политическом плане, ставшая необсуждаемой. Недавнее исследование “Создавая капитализм без капиталистов” доказывало, что посткоммунистические общества не только развивают новые формы капитализма, но что этот новый опыт также вынуждает нас пересматривать классические подходы к капитализму. В условиях отсутствия при коммунизме класса частных собственников в Центральной Европе другая социальная страта – культурная буржуазия (*Bildungsbürgertum*) возложила на себя историческую миссию строительства капиталистического экономического порядка. Капитализм вступил в Восточную Европу не через профессиональную элиту, но опираясь на гуманистически ориентированных интеллектуалов»²⁷.

РЕЗЮМЕ

В статье демонстрируется – каким образом различные концептуализации модернизации могут приводить к совершенно различным объяснениям и заключениям в отношении динамики демократизации и вообще политических изменений в посткоммунистическом мире. Послевоенный опыт коммунистического Востока акцентировал стремление преодолеть недоразвитость, стимулируя экономический и политический прогресс. Специфические характеристики посткоммунистического

²⁷ *Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*, edited by Alexander Wöll and Harald Wydra, London–New York 2008, с. 2.

транзита фактически состоят в том, что они свидетельствуют не только о политической трансформации от тоталитарного режима к плюралистической демократии в странах Центральной и Восточной Европы, но одновременно и к экономической трансформации от плановой командной экономики к свободной рыночной экономике и гражданскому обществу, основанному на принципе свободных ассоциаций. В 1995 г. А. Пшеворский отмечал, что крах коммунизма в Восточной Европе широко интерпретировался как триумф демократии и капитализма. Новые посткоммунистические страны избрали стратегию заимствования политической, экономической и культурной организации, уже существовавшей повсеместно в развитом капиталистическом мире со свойственными ему демократией, рыночной системой и индивидуалистической, ориентированной на потребление культурой. Школа транзитологии, которая стала к этому времени очень влиятельной, возможно, «в глубине души» не возлагала слишком больших надежд на широкое распространение демократии, но все же подчеркивала, что именно выбор политических акторов играет жизненно важную роль в отходе от авторитаризма. Решительно возражая против подобного взгляда, противники транзитологических подходов настаивали на том, что история посткоммунистических стран вообще и коммунистическое наследие, в особенности, так или иначе, исключают неуклонное движение в направлении либеральной демократии. Они, в частности, утверждали, что фундаментальный разрыв отделяет, по крайней мере, половину коммунистических стран от Запада, и, следовательно, – от демократии. В рамках подобной стратегии модернизация становится синонимом интернационализации и сводится к интеграции в мировую экономику в соединении с имитацией экономических, политических и культурных образцов, превалирующих в развитых капиталистических странах. Однако немногие политики полностью отдавали себе отчет в том, что в развитых демократических странах демократические институты и типы капиталистической экономики имеют значительные различия. Более того, те, кто стремится подражать этим странам, часто забывают о многих примерах провала капитализма в достижении процветания или демократии.

Vladimir Aleksandrovich Guturov

CONCEPTIONS OF MODERNIZATION IN THE POST-COMMUNIST DISCOURSE

The article demonstrates how different conceptualizations of modernization can lead to very different explanations and conclusions about both the dynamics of democratization and political change in post-communist world. The postwar experience of the communist East has constituted an attempt to overcome underdevelopment and establish economic and political progress. The specific characteristics of the post-communist transition consist in the fact that we are witnessing not only a political transformation from a totalitarian regime to a pluralistic democracy, but at the same time an economic transformation from a planned command economy to a free market economy in Central and Eastern Europe and

a transformation towards a civil society with free associations. In 1995 A. Przeworski noted that the fall of communism in Eastern Europe has been widely interpreted as a triumph of democracy and of capitalism. The new post-communist countries have chosen a strategy of adopting political, economic, and cultural organization already existing elsewhere – democracy, markets, and an individualistic, consumption-oriented culture that dominates the advanced capitalist world. The school of transitology, which was very influential at the time, may have had low expectations concerning the spread of democracy at heart but it also stressed that in the heat of the transition from authoritarianism it was only the political actors' choices that were of vital importance. Staunchly opposed to this view, the opponents of the transitology approaches argued that the history of the post-communist countries, and the communist legacy, in particular, more or less ruled out a steady movement toward liberal democracy. They claimed, in particular, that a fundamental gap separated at least half of the former communist countries from the West and, by extension, from democracy. In this strategy, modernization becomes synonymous with internationalization: integration into the world economy, combined with an imitation of economic, political, and cultural patterns prevalent in the advanced capitalist countries. However few politicians fully realized that both democratic institutions and capitalist economies differ in significant ways even among the developed democratic countries. Moreover, those who seek to imitate these countries often forget that there are many cases in which capitalism has failed in generating either prosperity or democracy.

KEY WORDS: *modernization, post-communism, transitology, liberal democracy, economic transformation, free market, internationalization, capitalism*

Библиография

- П. Дуткевич, *Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей*, “ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза” 2006, № 4.
- К. Крауч, *Постдемократия*, Москва 2010.
- трансформации в сравнительной перспективе*, Санкт-Петербург 2003.
- Д. Харви, *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*, Москва 2007.
- П. Штыков, С. Шваниц (ред.-сост.), *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*, Санкт-Петербург 2003.
- Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*, edited by Alexander Wöll and Harald Wydra. London and New York 2008.

- S. Eisenstadt, *Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency*, "International Social Science Journal" 1992, № 133.
- Chr. W. Haerpfer, *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and Eastern European Countries, 1991–1998*, London–New York 2002.
- J.J. Hesse (ed.), *Administrative Transformation in Central and Eastern Europe. Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies*, Oxford–Cambridge 1993.
- A. Przeworski, *Capitalism and Social Democracy*, Cambridge; Paris 1985.
- A. Przeworski, *Sustainable Democracy*, Cambridge 1995.
- E. Tiryakian, *The Changing Centers of Modernity*, "Comparative Social Dynamics", Boulder (CO) 1986.